Текст · 29 мая 2024, 09:01
Люк Могелсон,

Бой под сенью дронов. Репортаж New Yorker с передовой в Харьковской области

Украинский Первый отдельный штурмовой батальон «Да Винчи» воюет на самых опасных, важных и кровавых участках фронта: оборона Киева в первые недели полномасштабного вторжения, контрнаступление осени 2022 года и освобождение Изюма, жесточайшие бои в Донецкой и Луганской областях. В конце зимы он был переброшен на восток Харьковской области, под Купянск. Там к батальону присоединился корреспондент *New Yorker* Люк Могелсон, который в этой войне тоже оказывается в самых горячих точках: от Ирпеня и Бучи до Бахмута. «Медиазона» публикует перевод репортажа-, в котором Могелсон рассказывает, как бойцы «Да Винчи» отбивали одно село у российских войск.

Солдаты Первого отдельного штурмового батальона называют себя «пожарными». Их отправляют в самые горячие точки на передовой — туда, где украинская армия рискует проиграть. В последнее время батальон нужен всем: фронт горит. Прошлогоднее контрнаступление не принесло существенных побед, и с тех пор Россия активно атакует. Особенно много сил брошено на Купянск — город на северо-востоке Украины, примерно в 40 километрах от границы. По данным ВСУ, Россия отправила туда 40 тысяч солдат, которые безостановочно бомбят город уже несколько месяцев. В январе 2024 года российские войска выдавили украинских солдат из нежилого села Табаевка под Купянском,

и Первый отдельный штурмовой батальон прибыл туда, чтобы задержать и, если получится, остановить наступление противника.

Я присоединился к батальону через три дня после его прибытия. Власти объявили обязательную эвакуацию Купянска еще в августе, и мы с переводчиком оказались в городе, где призрачную тишину нарушают только звуки артиллерийской перестрелки. По обочинам дорог — огромные воронки, заводы лежат в руинах. Купянск расположен на холме, под которым протекает река Оскол. Главный мост разрушен, но можно проехать по наскоро сделанной земляной насыпи. В грязи валяются обломки танков. Все застлано дымом: завесы ставят, чтобы помешать ракетам с лазерным наведением найти цель.

Линия фронта менее чем в 20 километрах отсюда, так что батальон выбрал для временного штаба небольшое село между ней и рекой. Около 200 солдат подразделения будут участвовать в боевом задании: они прибыли на местность всего трое суток назад, но уже успели разведать ничейную землю, определить позиции для снайперов и начать обстреливать Табаевку из артиллерийских орудий. Офицеры еще не нашли для себя подходящего места и работали в грузовом фургоне, переоборудованном в мобильный командный пункт.

Во главе стола изучает карту командир разведроты. Его позывной — Перун, очень подходящий. Перун отслужил в армии пять лет в начале 2000-х, демобилизовался в 25. На гражданке Перун построил прибыльный бизнес по производству и установке

дверей с видеоглазками, они очень популярны в Украине. У него было много клиентов в Донбассе. Перун продолжил работать там и после 2014 года, регулярно проезжая сепаратистские КПП в грузовике, забитом дверями и инструментами для сварки. А еще он иногда перевозил винтовки и взрывчатку — чтобы убивать российских агентов и их местных пособников. Перун говорит, что это была его личная герилья, без какого-либо участия украинских властей. «Никто меня ни разу ни в чем не заподозрил, — вспоминает он. — Я был в рабочей одежде и с инструментами». Двери были тяжеленные, так что солдаты даже не думали смотреть, что лежит под ними.

После начала российского вторжения в феврале 2022 года Перун присоединился к военной разведке и собрал небольшую группу, которая устраивала засады на российских солдат за линией фронта. Он назвал ее «Дикое поле» (историческая область в причерноморских и приазовских степях). Участники «Дикого поля» действовали быстро и смело, и вскоре их присоединили к Первому отдельному штурмовому батальону. Тогда им командовал Дмитрий Коцюбайло, 27-летний военный с позывным Да Винчи. Коцюбайло был самым молодым и одним из самых известных офицеров украинской армии. Его убили в марте 2023 года под Бахмутом, последовавшие за этим внутренние споры привели к тому, что половина его солдат перешла в другую бригаду.

Смерть Да Винчи и падение Бахмута пару месяцев спустя отражали мрачный сдвиг в характере войны, которая превратилась в бесконечную перестрелку

с катастрофическими потерями с обеих сторон. Сколько погибло украинских солдат, неизвестно. Президент Владимир Зеленский называет цифру в 31 тысячу человек, но реальное число погибших наверняка намного больше. Перун считает, что и эта тупиковая ситуация, и рост потерь — результат «безрассудства» украинского командования и отсутствия «военной хитрости». Он говорит, что украинский подход мало отличается от российского: «генералы рисуют стрелочки на карте» и бросают «толпы людей в лобовые атаки».

У Перуна нет военного образования — он закончил службу в звании лейтенанта, но опыт Донбасса и «Дикого поля» научил его, что в борьбе с более могущественным противником главную роль играют хитрость и изобретательность. И разработанный им план по освобождению Табаевки основан именно на этом.

* * *

Большая часть жителей покинула село, где расположился батальон, оставив для солдат множество пустых домов. На следующий день после моего знакомства с Перуном командный пункт переместился в подвал с низким бетонным потолком и грязным полом. Кирпичи и мусор вынесли, поставили флуоресцентные лампы, расставили стулья и столы, которые удалось собрать по селу. Мониторы показывали аэросъемку с разведывательных дронов, в углу мигали разнообразные рации и полевые телефоны. На стену повесили флаг с эмблемой «Дикого поля»: ангел

смерти играет на флейте, сидя на трех черепах, а на плече у него ворон.

«Ворон символизирует накопленную нами мудрость, — объяснил Перун. — Флейта — то, что мы относимся к своей работе как к искусству. Она приносит нам радость — не тем, что мы убиваем людей, а тем, что успешно выполняем поставленные задачи».

На подставке закреплена двухметровая цифровая интерактивная панель со спутниковым снимком Табаевки. На южном и восточном краях карты деревья обведены красным — там российские позиции. На западном, на возвышенности — серия голубых треугольников, это украинские окопы. Между ними территория, с которой украинская армия отступила, широкая полоса заболоченной земли и кустарника с несколькими разрушенными сельскими домами. Она разделена на 42 квадрата, каждый чуть меньше гектара. И хотя эту зону занимает взвод из 30 российских солдат, квадраты на карте отмечены голубым, потому что Перун планирует вернуть их украинцам.

С возвышенности спускается дорога, которая проходит через всю Табаевку, и стандартной тактикой было бы послать туда танки или бронированные машины. Но развитие технологий сделало такой грубый подход самоубийственным. Украинцы уже довольно давно начали экспериментировать с беспилотниками *FPV*, то есть *first-person view*, «с видом от первого лица». Название отсылает к видеоочкам, которые носят пилоты, похожим на гарнитуры дополненной реальности. Парадоксальным образом,

ключевым новшеством *FPV* стала примитивность их конструкции: они меньше и легче коммерческих дронов, что делает их более быстрыми и маневренными, и состоят из дешевых компонентов. Большинство *FPV* — это дроны-камикадзе с грузом, прикрепленным к рамам. Обстреливать подвижные цели делается все сложнее, а *FPV* могут в них просто врезаться.

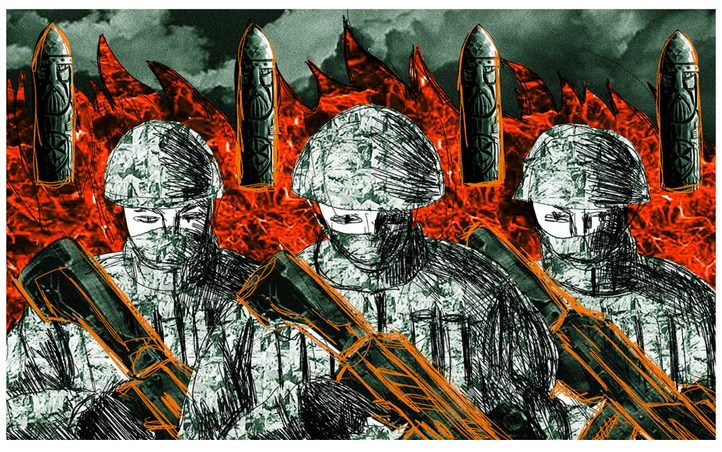

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

Хотя *FPV* ввела в боевые действия именно Украина, Россия быстро осознала их практичность и теперь массово производит. Распространение *FPV* сделало все движения войск на линии фронта, особенно с участием транспорта, гораздо более уязвимыми для высокоточных ударов. Получается порочный круг: Россия пользуется плодами украинской изобретательности, оборачивает их против Украины и провоцирует ее на еще более смертоносные изобретения. «Они учатся, — говорит Перун. — В начале войны мы их легко убивали. Но сейчас все изменилось».

За первые дни, что я провел с батальоном, в больницу попали пятеро солдат — их вычислили дроны. Снайпера атаковал целый рой *FPV*, они зацепились за ветви деревьев и взорвались прямо над его окопом. Боец уцелел. Позже он рассказал мне, как услышал жужжание подлетающих на высокой скорости дронов и подумал, что ими управляют новички: обычно *FPV*

медленно и незаметно снижаются до уровня крон, а потом резко разгоняются в твою сторону.

Перун решил, что вместо блица с бронетехникой небольшая группа его солдат наводнит Табаевку тайно. Они обойдут спорную зону с голубыми квадратами, зайдут к российским солдатам с тыла и поймают их в ловушку между собой и украинскими позициями на холме. Дроны-разведчики обычно оснащены тепловизорами, которые засекают людей, так что для успеха операции требовалась не только темнота: он зависел от погоды, которая помешает и украинским, и российским дронам летать. «Нам надо сделать это вслепую, — объяснил Перун. — Попробуем воспользоваться эффектом неожиданности и появиться там, где нас не ждут».

Прогноз на ближайшие дни был: сильный снегопад.

* * *

Перун знал, что россияне могут направить подкрепление по дороге, которая пересекает Табаевку, и хотел лишить их этой возможности, заранее подорвав мост через ручей. Обычно это работа для саперов, но в распоряжении Перуна оказался электрический наземный беспилотник с вездеходными шинами и ракетной установкой, а также контроллер и очки *FPV*. Аппарат был построен на одном из заводов его компании. Позже я посетил этот завод, которым руководит 23-летняя дочь Перуна Юлия. Она показала мне несколько забракованных прототипов наземного беспилотника на складе, заставленном токарными станками, рубанками, фрезами и другими инструментами,

которые используют для производства дверей с видеоглазками и домофонов.

За дверью командного пункта солдат прикрепил небольшой прицеп — чуть больше детской тележки — к задней части наземного дрона и укладывал туда противотанковые мины. Позывной у солдата был Чуб. Двадцать лет назад он служил с Перуном в армии. За годы Чуб отточил свое мастерство во всем, что касается механики и автоматики, и стал инженером-электриком. На вопрос, сколько ему лет, он ответил: «42 года, три месяца и один день». Он присоединился к батальону «один год и десять дней назад» и занимался рекогносцировкой, пока его не ранили под Бахмутом. Теперь он прихрамывает при ходьбе. К наземному дрону — Чуб помогал его разрабатывать, пока оправлялся от ранения, — крепится плоская платформа. Чуб может дистанционно вынуть штырек в сцепном устройстве и открепить прицеп с минами в нужном месте. В квартире, которую Чуб делил с Перуном и где я тоже остановился, я наблюдал, как Чуб сооружает антенну для контроллера с помощью проводов, скотча и удочки.

Радиус действия антенны чуть меньше двух километров, а это значит, что Чубу надо было пройти перед занятым украинцами холмом, чтобы установить нормальную связь. Я спросил, не страшно ли ему отправляться на ничейную землю с 300 килограммами тротила, и он ответил в своей обычной логичной манере: «Главное не в том, что тебе страшно. Всем страшно. Тех, кому было не страшно, убили первыми. Главное — не сломаться из-за этого страха».

Несколько дней спустя на мониторе в командном пункте высветилась аэросъемка: наземный дрон едет по дороге в Табаевку. Электромотор на термосъемке был почти не виден: блеклое пятно, которое и не заметишь, если не ищешь его специально. Когда Чуб привел в действие детонатор на одной из мин, огромное огненное облако взметнулось с теперь уже непроходимого моста.

* * *

Пока Чуб загружал прицеп, рядом с ним остановилась женщина с велосипедом. Чуб смотрел на нее в упор, пока она не продолжила свой путь. «Я никому не доверяю, — сказал Чуб. — Местные иногда помогают русским».

В феврале 2022 года, пока украинские силы бились за Киев с колоннами российской бронетехники, двигающимися со стороны Беларуси, другая часть российского контингента, зашедшая с востока, встретила гораздо менее ожесточенное сопротивление. После того как мэру Купянска позвонил российский командир, он сдал город

без боя (позже Украина заочно обвинила чиновника в госизмене). Некоторые местные жители вели с российскими солдатами уличные бои, но сопротивление быстро было подавлено. Впоследствии расследование показало, что гражданских пытали и казнили. В селе, где разместился Первый батальон, небольшой магазинчик проработал всю оккупацию. «Это был ад», — сказала мне Люда, 45-летняя продавщица. Потом извинилась, ушла в кладовку и вернулась с заплаканными глазами. Она описала жизнь в постоянном ужасе, когда любого могли схватить и убить, которая усугублялась «информационным вакуумом». Без интернета и сотовой связи единственным источником новостей было российское радио.

Через полгода после начала оккупации ВСУ ошеломили российскую армию мощной контратакой в Харьковской области, освободив десятки городов, в том числе Купянск. Когда российские войска вышли из села Люды, она решила, что худшее позади. С тех пор ее оптимизм сменило отчаяние. Война пробиралась назад.

В одну из ночей квартиру Перуна и Чуба затрясло от серии взрывов, сопровождавшихся яркими вспышками, а на следующее утро я обнаружил, что мои соседи чинят двери и прибивают фанеру вместо разбитых стекол. Кухню сровняли с землей. 70-летний фермер на пенсии по имени Владимир с золотыми зубами и очками в пластмассовой оправе изучал ворота, которые слетели с петель. Он построил этот дом сам 20 лет назад. «Я люблю эту

землю, — говорит он. — Я отсюда никуда не уйду, пока меня не убьют».

Люда настроена менее решительно. Она выслала из села дочь, муж воюет на южном фронте. У нее наготове упакованные сумки: Люда собирается уезжать, как только русские прорвутся через Табаевку. «Если они вернутся, тут будет вторая Буча», — говорит она.

На кону стояло больше, чем это село. Если российская армия дойдет до реки Оскол, украинские части к востоку от Купянска окажутся в зоне риска. Уничтожение взвода в Табаевке не остановило бы россиян, но это был шаг к тому, чтобы заставить их обороняться. Одно из скоплений деревьев, обведенное красным на карте, предположительно, скрывало сотни вражеских солдат, и готовящаяся атака должна была помочь перекрыть их пути снабжения. Перун был твердо намерен избежать прямого столкновения с противником. В июле во время контрнаступления ему приказали отбить похожую местность в другой точке фронта — и сделать это немедленно, без предварительной рекогносцировки или разработанного плана. «Нас просто бросили прямо на них, — вспоминает один из офицеров Первого батальона. — как два товарняка столкнулись». После девятичасового боя 18 солдат батальона убили и еще больше ранили.

По словам офицера, высшее украинское командование «постоянно требует, чтоб мы все делали быстрее, еще быстрее», неважно, какой ценой. Пока Перун ждал снегопада, начальство звонило ему каждый день с требованием начать

операцию немедленно, вне зависимости от погоды. Перун говорит, что «для полковников война — это возможность стать генералами», а генералов благополучие их войск беспокоит меньше, чем «разборки из-за наград». Перуна военная карьера не волновала, что давало ему некоторый уровень независимости. Когда я спросил, как он выдерживает давление начальства, Перун сказал: «Улыбаюсь и игнорирую». Конечно, это упрощение, но мне показалось, что Перун применяет «военную хитрость» сразу по двум направлениям — против врага и против своего командования.

Прошла почти неделя, прежде чем Перун собрал своих офицеров и сержантов в командном пункте. Время было на исходе. Он волновался, что если тянуть дальше, их просто перебросят в другое место и вся тщательная подготовка к операции в Табаевке пойдет насмарку. Пройдясь по мелким изменениям в плане, Перун повернулся к 35-летнему младшему лейтенанту, который стоял перед интерактивной панелью и смотрел на нее через тактические очки с диоптриями.

— Согласен? — спросил его Перун.

Лейтенант с позывным Север поведет команду из 12 штурмовиков, они начнут наземную атаку. В отличие от Перуна, ничто в Севере не говорит о его призвании. Он невысокий, с наметившимся брюшком и говорит так тихо, что нужно напрячь слух, чтобы его услышать. На брови у него пластырь: прошлой ночью он ехал в грузовике, который угодил в воронку. Один из его бойцов сломал ногу.

Север показал на деревья в красном кружке. От голубых квадратов их отделял трехсотметровый прогал.

— Если будет бой, мне нужны еще люди.

Перун усмехнулся.

— Тебе нужно больше людей, чтобы атаковать границу леса? Дурацкая идея, Север, честно.

Он напомнил лейтенанту, что конечная цель — незаметно обойти русских в голубых квадратах с фланга. Трехсотметровый прогал был естественным буфером, который ни российские, ни украинские солдаты не могли пересечь без попадания под вражеский огонь. Перун пожурил Севера:

— Просто представь, что по вам начнет палить пулемет, чего ты сделаешь?

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

— Отступлю немного назад и положу ублюдка.

— По моему опыту, когда начнется пулеметная очередь, все обосрутся и лягут на пол, где стояли.

Север ухмыльнулся и уступил:

— Сто проц.

— Давайте не будем повторять ошибку с перемещением больших групп людей, которых сразу убьют, — сказал другой офицер. — Чем меньше группа, тем сложнее ее засечь.

— Я не буду менять план, — сказал Перун Северу. — Но дело твое. Если тебе нужно больше людей, скажи, сколько и что ты будешь с ними делать.

Север подошел к интерактивной панели. Он воевал уже почти десять лет, с тех пор как российские солдаты впервые появились в Донбассе. У него не было ни жены, ни детей, «идеальный солдат», как он сам колко пошутил. Хотя Север предпочел бы быть архитектором или строителем: «Я всегда мечтал о том, чтобы построить мост или дом, создать что-то полезное. Но видно судьба такая — разрушать».

Ветераны батальона так много раз побывали на пороге смерти, что, похоже, привыкли к ее обществу. Это принятие привело к невероятно спокойной манере держать себя. Но Север был крайним случаем. Его движения были неуклюжими, рукопожатие — вялым, в приглушенной речи слышалась глубокая подавленность. Все это указывало скорее даже не на внутреннее спокойствие, а на чудовищную усталость и, возможно, депрессию. Тем не менее, по словам Перуна, Север был самым воинственным офицером в батальоне, иногда даже безрассудным. «Когда он просит побольше людей, я знаю, чего он собирается устроить, — говорит Перун. — И пытаюсь охладить его пыл».

Север отвернулся от карты и пожал плечами:

— Пусть будет.

* * *

В окопной войне, которая разворачивается на востоке Украины, тактические бригады вроде Первого батальона двигают линию фронта, а потом пехота должна ее защищать и удерживать. В случае с Табаевкой это должна была делать бригада тероборонs. После начала вторжения тероборона, что-то вроде национальной гвардии, приняла в свои ряды сотню тысяч гражданских добровольцев и резервистов. Большая часть из них изначально охраняла блокпосты или выполняла другие тыловые задачи в своих родных районах, но это изменилось с тех пор, как армии перестало хватать людей. Бригада тероборонs, приписанная к Табаевке, происходила из Львова, и многие ее солдаты записались в добровольцы в самом начале войны. Вряд ли они представляли, что через два года все еще будут на фронте и при этом в тысяче километров от дома.

Через несколько дней после совещания в командном пункте Север отправился в дом, где разместились 12 участников тероборонs. Во время операции они должны будут идти за Севером и его штурмовиками, чтобы рыть окопы, обустраивать снайперские гнезда и удерживать позиции, очищенные командой Севера. Он называет их «якорной группой». Когда он вошел в дом, мужчины сгрудились в спальне с раскладным диваном и семейными фотографиями людей, которые когда-то здесь жили. Они еще даже не успели распаковать вещи. Они только что приехали на замену предыдущей якорной группе,

с которой я познакомился накануне. Те солдаты сказали мне, что командир обманул их, объяснив, что они будут охранять базу. На вопрос, что они думают теперь, когда знают правду, их старший ответил: «У меня жена и двое маленьких детей, ты сам-то как думаешь?».

Хотя они служат в Восточной Украине уже год, перспектива заходить российскому взводу в тыл привела их в ужас. «Это просто безумие, то, что делают эти ребята, — сказал один из них. — Мы многое повидали, но тут совсем другое дело». Другой солдат так нервничал, что не мог говорить. В какой-то момент ему пришлось принять гомеопатическое успокоительное: медсестра выдала ему таблетки несколько месяцев назад, когда его вырвало в морге во время опознания товарища. На следующее утро после нашего знакомства все 12 мужчин сказались больными или еще по какой-то причине неспособными идти в Табаевку.

Север собрал новых солдат вокруг себя и объяснил, что входит в их задачу. Он подчеркнул, что любой, кто не хочет участвовать, должен сказать об этом сейчас:

— Я не буду вас осуждать и отчитывать. Я ничего не прошу сейчас, но когда мы перейдем линию, я начну требовать. И вот тут любая заминка, любое колебание обойдутся очень дорого. Так что нам надо сработаться. Со своей стороны обещаю, что я вас не брошу. Но и от вас жду того же.

Все молчали. Перед уходом Север сказал:

— Если мы вместе, мы должны биться вместе, стоять друг за друга. Другого варианта нет.

Заместитель Севера, сержант с позывным Каспер, продолжил встречу. Он был грубее, громче, менее закаленный, чем Север, и спокойнее относился к ругани и осуждению. Он четыре дня учил предыдущую якорную группу, объясняя им, на каком расстоянии делать снайперские гнезда, как двигаться тихо, как спрятаться от *FPV*, — и его терпение закончилось. «Задача сложная, но выполнимая», — сказал он новой группе. По словам Каспера, только серьезные проблемы со здоровьем были нормальной причиной, чтобы отказаться.

Пожилой мужчина с опущенными плечами и насупленным лицом, который тихо сидел в углу, сообщил, что у него неладно с глазами. Еще один сказал, что у него грипп, третий пожаловался на проблемы с почками.

— Меня интересует одно: вы в состоянии сделать то, что нужно для операции, или нет, — рявкнул Каспер.
— Если вы не сможете, то и у нас не выйдет. Так что?

— Нет, я не могу участвовать в такой операции,
— сказал еще один мужчина, который выглядел крепче многих других участников группы. Это был 39-летний фабричный рабочий. Шесть месяцев назад его поймали по дороге на автобусную остановку и отправили служить. Его проблема была не физиологической: — Когда нам приказали атаковать, мне стало плохо, я просто упал.

— Запаниковал? — спросил Каспер.

— Да. Это два раза было.

— Со мной тоже, — сказал Каспер. — Я запаниковал и упал. А потом встал. Я врать не стану, это будет непросто. Но бля, не идти, потому что тебе страшно? Не волнуйся, когда окажешься в бою — переключишься.

— Я не хочу стать обузой для группы, — упирался мужчина.

Еще один солдат подал голос: у него болела спина.

— В каком смысле «спина болит»? — заорал Каспер. — Идти можешь? Если можешь, то ты и в операции можешь участвовать. Скажи прямо, ты уклоняешься или нет?

Мужчине с виду было за 50. Сложно сказать, болела у него спина или нет, но выглядел он удрученным и слегка пристыженным.

— Я не пойду, — пробормотал он.

В конце концов Каспер отослал его обратно в бригаду, вместе с тем рабочим. На самом деле он разделял соображения Севера в гораздо большей степени, чем я подумал. Он потом сказал: «До войны они были обычными работягами, как и наши парни. Но у наших хорошая подготовка, а у этих нет». Солдат из первой якорной группы рассказал Касперу, что во время контрнаступления «командир просто показал, куда идти — и испарился. Прямо перед

нами были танки, но ему было пофиг». После того как две трети батальона были ранены или убиты, оставшиеся влились в другой взвод теробороны, который понес примерно такие же потери. Люди даже не успели запомнить свое командование и товарищей по бригаде. Их отправили к Касперу без аптечек и теплого обмундирования. «Командирам на них насрать, — говорит Каспер. — Они сами по себе, и у них мало шансов».

* * *

Многие солдаты Перуна подтвердили, что именно командование было главным фактором, работающим на профессионализм и боевой дух Первого батальона. «Дело не в солдатах, а в том, как их используют», — говорит Север. Для них с Каспером то, что Перун дрался вместе с ними, — важнейшая часть доверия и уважения, которое они к нему испытывают. Перун сказал, что время от времени ему надо показывать, что он «готов идти на такие же жертвы, как мои ребята». Прошедшей осенью во время атаки Перун отбросил ногой гранату, защитив своих людей. От взрыва у него лопнули барабанные перепонки. Ему пришлось поставить имплант и пересадить кусок ткани с внутренней стороны щеки на поврежденную перепонку.

Образцовая культура командования была не единственным преимуществом Первого батальона. В отличие от теробороны, туда людей можно было отбирать. Север и Каспер вербовали своих штурмовиков из тренировочных лагерей. Физическая форма, возраст, образование и даже навыки были

менее важны, чем настрой. «Но пока не проверишь их в деле, невозможно понять, насколько они искренни», — говорит Север. Каспер на вопрос о том, как он отбирает кандидатов, отвечает: «По глазам».

Иногда выбор Каспера и Севера казался неожиданным. Перед операцией я зашел в дом, где жили штурмовики. Было почти три часа ночи, на кухне 45-летний солдат с позывным Ной заматывал потянутую щиколотку эластичным бинтом. Он работал полицейским в Одессе, в отделе по борьбе с наркотиками, и в 2007 году его обвинили в нескольких преступлениях, в том числе в подделке документов, распространении наркотиков и незаконном задержании. Когда я только с ним познакомился, он сказал, что «в те годы никакой особой разницы между полицейскими и бандитами не было». Его ошибкой было противостояние с местной прокуратурой, которая, по словам Ноя, была не менее коррумпирована, чем полиция. Он провел 2,5 года в СИЗО, потом вышел за взятку. После еще десятилетия мелких преступлений — воровство, мошенничество — он вступил в католическую общину. С виду в нем осталось что-то монашеское: бритая голова, густая борода, деревянные четки.

Другой штурмовик, Санек, пришел на кухню в кальсонах и поставил на плиту воду. Он тоже отсидел, но не сказал, за что. Когда я спросил его, сколько времени он провел в тюрьме, он усмехнулся: «Это в который раз?».

Ни один из них не считал себя таким уж патриотом. Для Ноя служба была способом покаяться: «Я в своей жизни много сделал плохого, а теперь делаю

хорошее». Санек пошел в армию добровольцем за десять месяцев до нашего знакомства, после последней отсидки: «Тут и там почти одно и то же, это как семья. Разница в том, что тут я знаю: друзья мне помогут, если что. А там они бы обчистили мне карманы».

Санек повернулся от плиты к Ною:

— Как спал?

— Плохо.

— Помрешь, значит.

— Посмотрим.

Санек попросил у Ноя «таблетку». Известно, что некоторые украинские и российские солдаты употребляют амфетамины, но у Перуна в подразделении алкоголь и наркотики под строгим запретом. Каспер дал в челюсть солдату тероборонs, когда тот напился. И все же, когда Ной выдал Саньку две таблетки, я засомневался в том, что он и правда перевоспитался.

Ной объяснил, что это таблетки, которые вызывают запор. Операция будет идти минимум 36 часов, и в это время возможность облегчиться без риска для жизни может не представиться (еще один штурмовик рассказал, что после атаки принимает слабительное, чтобы вернуть организм в норму).

Санек ткнул крупного солдата, который храпел на диване:

— Вставай, русские сами себя не пристрелят.

Солдату с позывным Камин было 33, раньше он работал на железной дороге. Он вместе с еще четырьмя бойцами присоединился к батальону год назад. Троих убили, еще одного комиссовали по медицинским соображениям. Прошлой осенью Камин провел 20 дней в больнице: российский солдат бросил в него гранату, когда они с Ноем собирали тела убитых товарищей после кровавого боя.

— Кто спиздил мой ремень? — проворчал он, надевая камуфляжные штаны. — Вы совсем, что ли?

Скоро все остальные штурмовики подтянулись на кухню. Большая часть — новички, это будет их первый штурм. В их рюкзаках сотни патронов, чтобы пополнять заранее заряженные магазины на бронежилетах. Для пропитания каждый взял с собой два литра воды, пару батончиков «Сникерс», вяленую говядину и сигареты. Спальные мешки они не брали, потому что спать не собирались. Мужчинам предстояло пройти несколько километров, поэтому нужно было следить за весом. У них были противогазы, компасы, карты, мобильные телефоны, пауэрбанки, монокуляры ночного видения, тепловизионные козырьки и аптечки. Медицинская эвакуация не предусмотрена. Если кого-то ранят, ему придется ждать следующей ночи, чтобы его затащили на холм к своим.
У каждого штурмовика не менее восьми ручных гранат. К рюкзакам были пристегнуты лопатки,

обмотанные тканью, чтобы не звенели. Еще к жилетам прикреплены ножи — ими удобно пробивать обледенелую землю.

На улице минус пять. Чтобы добраться до голубых квадратиков на карте, штурмовикам нужно было пересечь болото, которое еще не до конца замерзло. Каждому выдали высокие резиновые накладки на ботинки, но одной пары не хватило. Север обвязал ботинки мусорными мешками. Офицеры, по моим наблюдениям, обычно экипированы лучше своих солдат, но лейтенант сказал, что «должно быть наоборот».

Санек побрызгал одеколон на шейную повязку. «Винтовки не забудьте», — невозмутимо произнес Север, когда группа вышла из дома. На улице их ждали пикап и два грузовичка. Их задние фары тускло поблескивали, когда они двинулись на восток.

* * *

Снег пошел на рассвете. Штурмовики и якорная группа дошли до украинских позиций на холме и ждали сигнала, чтобы начать спуск в Табаевку. В командном пункте монитор на столе показывал аэросъемку села с разведдрона. Если украинские дроны еще могут летать, значит, могут и российские.

— Как погода? — спросил Перун у пилота по дискорду на ноутбуке.

— Рабочая.

— Нам нужна нерабочая.

— Буду держать в курсе.

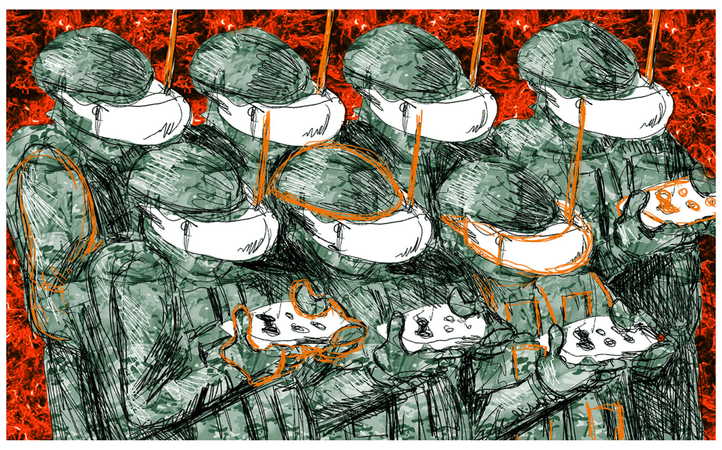

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

Пилотом был рыжебородый каменщик из Карпат по фамилии Бойко. Он работал в Голландии, когда началась война, и мгновенно приехал в Украину к семье. У него было трое маленьких детей, что давало отсрочку от призыва, но он пошел добровольцем. Дроны его завораживали и тревожили одновременно: «Люди просто не понимают, с какой скоростью тут развиваются технологии». Его команда переоборудовала квартиру в мастерскую, повсюду валялись провода, взрывчатка, батарейки и платы. В гостиной до потолка стояли ящики и коробки из пенопласта с самодельными *FPV*. Бойко предвидит грустное будущее, на поле боя и вне его: «Все, что протестировали на этой войне, станет орудием подавления». Когда он только начал работать с *FPV* прошлым летом, у них была дальность примерно три километра. А теперь — 12. Но, в отличие от разведывательных дронов, они еще не могут держаться на больших высотах: *FPV* нужно низко подлетать к цели, а это требует высоких антенн на земле, чтобы держать связь. Антенны — как флагштоки для вражеских беспилотников, и Бойко уже чуть не погиб в Табаевке во время авиаудара.

Снегопад усиливался, и изображение на мониторе стало дергаться. Бойко сообщил, что летать больше

нельзя, и Север со штурмовиками начали спуск с холма по направлению к голубым квадратам. «Внимание! Внимание!» — призывал их Перун из командного пункта. Несколько его офицеров сидели на стульях, уставившись на монитор, который сейчас ничего не показывал. Перун усидеть на месте не мог. Он мерил подвал шагами, хрустел костяшками пальцев, переключаясь с рации на *Discord* или на *Signal* в телефоне.

На возвышенности над Табаевкой стояли три украинских пулеметчика, под ними прятались три снайпера; вдруг один из снайперов заметил вражеский отряд, который перемещался к занятым россиянами деревьям к востоку от трехсотметрового прогала.

Перун бросился к интерактивной панели и заорал: «Азимут!». Он хотел узнать, в скольких градусах на север или на юг были русские от позиции снайпера. Используя компас, снайпер сделал измерения и сообщил их Перуну. Перун прочертил линию под этим углом от снайпера до деревьев, получив таким образом координаты, по которым можно было вызвать артиллерию. Он также проложил линию от координатной сетки до одного из своих пулеметчиков на возвышенности. Хотя пулеметчик не мог видеть россиян, он мог навести свое оружие под тем углом, который указал ему Перун. Снайпер через оптический прицел заметил места попадания пуль в снег. Перун передал информацию пулеметчику, и тот, соответственно опуская или поднимая ствол, пристреливался к вражескому подразделению.

Было странно смотреть, как Перун руководит всем этим удаленно и без видеосвязи — «вслепую», по его же словам. Российские солдаты, все еще не подозревающие, что через болото крадутся штурмовики, обстреливали украинские позиции на холме артиллерией, и я знал, что Табаевку, скорее всего, трясет от чудовищной какофонии разрывов и выстрелов. Среди деревьев наверняка кричали раненые русские. Но мне было очень сложно соотнести эту реальность со сценой в подвале, где офицеры тихо тянули чай из пластиковых стаканчиков. Перун, правда, вел себя ровно так, как будто он на передовой и должен перекрикивать шум боя. Он предупредил, что будет кричать и использовать много «плохих слов», не со зла, а чтобы люди понимали важность его команд. Когда Бойко направил свой дрон слишком близко к штурмовикам и те приняли его за российский, Перун зарычал на него: «Еще раз такое устроишь, я тебя самого в атаку пошлю, поймешь, каково это, когда у тебя какой-то мудак над головой!». Когда кто-то случайно оставил радио включенным, Перун пригрозил ему «пасть порвать», а когда пулеметчик предположил, что артиллерия должна «немного сместиться вправо», Перун ответил: «Азимут мне дай, придурок. Я тебе сейчас этот компас в задницу засуну!».

Несколько солдат объяснили мне позже, что грубая манера Перуна шла им на пользу. По словам Севера, «когда у тебя стресс, тебе страшно, ты можешь отморозиться. И иногда этот ор — единственное, что может к тебе пробиться». На поле солдаты были в наушниках, так что Перун буквально был голосом в их головах.

К полудню, пока россияне продолжали сосредоточенно обстреливать возвышенность, Север и его команда дошли до голубых квадратов без единого выстрела. По дороге они взяли в плен двух российских солдат. Как только якорная группа присоединилась к штурмовикам, снег внезапно перестал, и в воздух снова поднялись дроны.

— Слава богу, — сказал Перун. — Как раз вовремя.

Теперь, когда штурмовики успешно обошли российский взвод, Перун хотел, чтобы они нашли укрытие на ночь. Они нападут на следующий день, когда будет светло.

— Копайте как можно глубже и накройтесь плащами или ветками, чтоб вас тепловизор не увидел, — сказал он Северу по рации. — Ройте как кроты, если хотите выжить.

* * *

Солдаты теробороны сопротивлялись. Они не хотели рыть окопы, потому что считали, что выбранное Севером место слишком уязвимо.

— Дай им лопатой по башке, — сказал Северу Перун.

Но это не помогло, и когда Перун попробовал с ними связаться, они не ответили. Темнело. Перун вызвал пузатого офицера теробороны в командный пункт.

— Ты их командир. Мы свою работу сделаем и отвалим. Вопрос в том, как ты будешь контролировать своих солдат.

Презрение Перуна было явным. Он предложил офицеру выйти самому — хотя бы на холм. Сказал, что готов дать бронированный транспорт. В этом был элемент унижения — разговор происходил при людях Перуна. На одной из стен подвала, в паре метров от офицера, кто-то повесил фотографию погибшего в Бахмуте Да Винчи.

Офицер отклонил предложение Перуна.

Север нашел для якорной группы более устраивающую их точку. Той ночью он отправил одного из солдат обратно к Перуну с двумя пленными. Я увидел их на следующее утро: они сидели на полу в подвале, примыкавшем к командному пункту, с руками за спиной и скотчем на глазах. Их допрашивал солдат из Первого батальона и печатал ответы в свой телефон. Это был 31-летний айтишник с позывным Лицей. До войны он жил в Харькове, в том же доме, что и дочь Перуна Юлия; мужчины познакомились, когда Перун делал ремонт Юлиной квартиры. Лицей сказал мне, что Перун был «совершенно другим человеком» в мирное время — легким и приветливым. И добавил: «По нему вообще нельзя было сказать, что он богатый. Ездил на старом минивэне с кучей стройматериалов».

Лицей был специалистом радиоэлектронной разведки. Он вырос в Северодонецке, городе, который российская артиллерия превратила в пустыню и который сейчас находится под оккупацией. Свою ненависть к русским Лицей выражал гораздо более

явно, чем другие солдаты батальона, многие из которых проявляли удивительное великодушие. («Да они такие же люди, как мы. Любят своих жен и детей», — говорил Перун.) О пленных Лицей сказал: «Мы их в живых держим, только чтобы обменять». Однако в подвале он не показывал своей враждебности и, если они были готовы сотрудничать, задавал вопросы вежливо. В конце допроса он засунул каждому в рот по сигарете и прикурил им.

Потом, когда охрана согласилась снять им с глаз повязки и дать стулья, я тоже поговорил с пленными. Обоих звали Алексеями. Они служили только пару месяцев, из них на фронте — несколько дней. Их послали одних на конкретную точку в Табаевке и велели стоять там, пока не сменят. С полутора литрами воды и парой рыбных консервов они дошли до нужной точки, используя *AlpineQuest*, испанский навигатор для походников. (Лицей потом выгрузил данные *AlpineQuest* из их телефонов и вывел на интерактивную панель, добавив несколько вражеских позиций к спутниковой карте.) Когда Алексеи прибыли на точку, там не было ни землянки, ни окопа. Лопат у них тоже не было. Они связались с командиром, и он велел им рыть руками. Первые две ночи они просто спали в лесу на земле, а когда пошел снег, оставили позицию, дошли до полуразрушенного дома и спрятались в подвале. Там их и обнаружили штурмовики Севера.

«Я вообще никого не хотел убивать и не убил», — настаивал тот Алексей, что был постарше. Ему было 43, у него был ежик и седая щетина. Он пошел в армию ради денег — по его словам, большинство его товарищей руководствовались теми же мотивами. В

своем родном подмосковном городе он зарабатывал таксистом около 500 долларов в месяц. Армия платила ему в четыре раза больше.

Младший Алексей, которому было тридцать с чем-то, тоже считал себя жертвой обстоятельств. Он провел пять лет в тюрьме за подделку денег, а вскоре после выхода на волю его задержали за драку в баре. Его противником оказался следователь, и Алексею дали выбор: идти в армию или обратно в тюрьму. Его мало интересовал этический аспект войны, но он сказал, что «всегда был против власти, против Путина». Он перешел из христианства в язычество. «Я верю в старых богов, вот как Перун», — сказал он.

После разговора я вышел на улицу с одним из бойцов Первого батальона, который охранял пленников. «Первый раз за войну вижу живых российских солдат», — сказал он. И озадаченно добавил: «Нихуя не понимаю. Если б Украина вторглась в Россию, я б лучше в тюрьму пошел».

* * *

По словам Алексеев, в голубых квадратах находилось еще примерно 20 россиян. Большая часть пряталась в погребе на заднем дворе деревенского дома. Некоторые были более опытными бойцами.

Бойко направил дрон к небольшому дому за забором. Точнее, к тому, что когда-то было домом, а теперь стало кучей щебня. Снег покрывалом накрыл двор, но все еще можно было различить очертания крыши и печную трубу. Бойко навел камеру на следы ботинок возле того, что казалось дверью в погреб.

— Это они туда или оттуда? — спросил Перун.

— Похоже, вышли посрать и вернулись, — предположил офицер.

Другие следы вели от открытой двери в погреб к трехсотметровому прогалу между голубыми квадратиками и занятыми россиянами лесами.

— Враг точно внутри, — сказал по рации Перун.

Шесть штурмовиков и Север уже прятались за деревьями через дорогу от дома. Перун велел им работать парами: два человека проверяют, что разрушенный дом действительно пуст, два забрасывают гранатами дверь в погреб, еще два бросают гранаты через трубу. Север должен был оставаться за деревьями, чтобы направлять действия остальных. Цементный погреб, как сказали Алексеи, был большим и глубоким, и россияне, скорее всего, еще дополнительно его укрепили, так что гранат штурмовикам понадобится много, штук двадцать минимум. Перун сказал, чтобы кидали их в дверь и в трубу одновременно, потому что русские могут быстро закрыть любое из отверстий или позвать подкрепление. Все нужно было сделать стремительно, потому что во дворе негде было укрыться от российской артиллерии и дронов.

— Я понимаю, что все устали, — сказал Перун. — Но соберитесь, вашу мать! Последний рывок, и потом уже выдохнем!

— Принято, — сказал Север.

Погреб со своего места он хорошо разглядеть не мог, так что начал обходить участок по краям. Все его движения мы видели на съемке с камер дрона, а это значило, что он был полностью на виду. Перун начал нервничать.

— Давайте, блядь! Быстрее! Не тяните кота за яйца! Ну же, черт подери!

До этого Север был настолько далеко от Перуна, что для связи им требовался «повторяльщик», который

сидел на холме и передавал сообщения в обе стороны. Но до погреба было гораздо ближе и никакой посредник не требовался. Перун, который этого еще не понял, сказал повторяльщику:

— Скажи Северу, чтоб не вылезал из-за деревьев. Иначе этот придурок пойдет с ними.

— Этот придурок тебя слышит, — ответил Север.

— Ну вот и сиди на месте, придурок.

На мониторе мы видели, как шесть штурмовиков приближаются к зданию единым отрядом. Бывший зек Санек и еще один солдат отправились в разрушенный дом, а остальные четверо пошли во двор. У одного из них был позывной Банкир, потому что он 13 лет проработал в банке, поднявшись от обычного клерка до менеджера. В команде он был одним из самых опытных и уже однажды получил ранение от российского дрона. Когда Банкир подошел к погребу сзади, он увидел узкую вентиляционную решетку, которую Перун пропустил на видео. Банкир кинул сквозь нее гранату.

— На другую сторону! — заорал Перун. — Бросайте гранаты через вход, чтобы они не вышли!

Еще одна пара продвигалась по разрушенной крыше. По дороге один из них, молодой солдат с позывным Киевстар кинул гранату в печную трубу. Вверх вырвался темный гейзер. Из вентиляционной шахты повалил дым. Поскольку печные трубы и вентиляционные шахты обычно направляют воздух в подвалы через наклонные каналы в стенах,

существовал немалый риск, что ущерб обе гранаты нанесли небольшой, зато теперь россияне знали, что их атакуют.

— Гранаты! Гранаты! — кричал Перун. — Еще бросайте!

Им нужно было попасть ко входу в погреб. Товарищ Киевстара оставил его и теперь шел ко входу один. Его позывным был Волк. Он был сварщиком из села в западной Украине. Когда началась война, Волк работал в Чехии, отправляя заработок домой — жене, дочке и сыну. Он провел в Первом батальоне примерно месяц, и это была его первая операция. Север не хотел брать его в Табаевку, но Волк заменял солдата, который сломал ногу, когда грузовик попал в воронку. Когда мы были в доме, Волк произвел на меня впечатление самого робкого члена команды, опасливо наблюдающего за выходками Ноя и Санька. Когда штурмовики уходили на операцию, Банкир отругал Волка за то, что тот выпил банку энергетика, от которого потом захочется писать. В машине прямо перед тем, как Банкир закрыл дверь, Волк сказал: «Черт, я забыл тактические очки. Ну ладно, проехали».

Теперь он делал что-то странное. Вместо того, чтобы подкраться ко входу в погреб, он шел к нему в открытую — его мог увидеть любой, кто смотрел изнутри. «Он растерялся, — рассказал мне позже Киевстар. — Я кричал ему, пытался заставить его пойти обратно». И добавил с горечью: «Ему вообще ни зачем не надо было так подставляться. Как будто он пошел туда умирать».

В командном пункте Перун орал в рацию: «Нет! Не переходи двор перед входом!» Но Волк его не слышал. Он продолжал идти, пока не подошел к открытой двери. Несколько долгих секунд все в командном пункте смотрели, как он неподвижно стоит там. А потом он рухнул.

— Они его достали, — сказал Перун, тихо и не в рацию.

Он попытался связаться с Севером. Не получив ответа, Перун связался с повторяльщиком на холме.

— Повторяй все, что я скажу. Залезьте на эту ебучую халабуду и кидайте гранаты сверху.

Но штурмовики знали кое-что, чего Перун не знал. Волк замер, потому что вместо лестницы, спускающейся в погреб, внезапно увидел небольшое помещение и еще одну дверь, уже закрытую. Лестница была за ней. Волк разглядывал это помещение, когда кто-то из-за второй двери его подстрелил.

Киевстар и Банкир отошли от входа. Каспер, сержант, который отвечал за подготовку якорной группы, в то утро был в командном пункте. Придвинувшись к монитору он сказал про Волка:

— Он вроде ранен.

— А почему не отползает тогда?

— Не могу смотреть на это, — сказал Каспер. Он пошел к выходу, но остановился на полдороге. На белом

дворе, вокруг входа, где лежал Волк, вспыхивали темные пятна.

— Эти суки кидают гранаты изнутри! — сказал Перун.

Тем временем кто-то начал палить по команде с той стороны трехсотметрового прогала. Более крупные и темные пятна стали появляться все ближе к Киевстару и Банкиру.

— АГС, — сказал Перун, имея в виду автоматический станковый гранатомет. — Сука!

Он приказал штурмовикам отступить и спросил Севера, показывает ли Волк какие-то признаки жизни. Если он был еще жив, они не могли обстрелять эту территорию.

— Север не уверен, — передал повторяльщик.

Бойко увеличил изображение тела, свернувшегося в позе эмбриона.

— Групповое решение, — сказал Перун. — Какой у него статус, Каспер?

— Он мертв.

— Движение отсутствует, — добавил другой солдат.

Оставшиеся штурмовики убежали от здания под взрывами гранат АГС. Перун приказал им отходить и искать укрытие. Он должен был обдумать, что делать дальше.

* * *

Поблизости было слишком много украинцев, чтобы пытаться уничтожить погреб артиллерией, а холм давал ему естественное укрытие — так что Бойко не мог навести на него *FPV*. Наземный дрон тоже не мог добраться до погреба из-за болота. В итоге Перун решил бросить на вход в погреб противотанковые мины с помощью сверхмощного шестироторного дрона под названием «Вампір». Русские называют его «Баба-яга». Алексеи выдали радиочастоты и позывные своих командиров, Лицей выписал их на доске рядом с интерактивной панелью. После того, как «Вампір» скинул свой груз, из перехваченных сообщений стало ясно, что российские солдаты в погребе пережили и гранаты, и мины, а их взвод отправляет подкрепление.

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

До конца дня постоянный поток небольших групп российских пехотинцев — от двух до шести солдат — шел в Табаевку с востока. Мало кто смог пройти трехсотметровый прогал. Снегопад ослаб, и Бойко мог легко обнаружить группы разведдроном. Перун метался между панелью и радио, охрипнув от крика, считая азимуты и уточняя цели для своих штурмовиков, снайперов и пулеметчиков. Это было какое-то безумие: россияне продолжали маршировать по тем же тропам и местам, где только что погибли их товарищи. Один из пулеметчиков Первого батальона рассказал мне потом, что он так

часто стрелял, что орудие согревало его в промерзшей землянке. Он не видел людей, которых убивал. Но так как они продолжали появляться в одних и тех же местах, он запомнил расположение веток, под которые ему было удобно направлять ствол, чтобы попасть по конкретной точке больше чем в километре от него.

В отличие от пулеметчика, те из нас, кто был в командном пункте, могли с высоты птичьего полета наблюдать за российскими солдатами, по которым велся огонь: мужчины бежали и спотыкались, пытаясь спрятаться от снарядов, а потом, когда в них попадала пуля или осколок, ползли в сторону деревьев и кустов в поисках укрытия.
В какой-то момент монитор показал шестерых солдат, которые стремились добраться до густого леса по дороге: двое из них помогали хромающему бойцу, который обхватил их за плечи, еще двое тащили то ли раненого, то ли мертвого товарища на импровизированных санках. Перун приказал ударить по ним кассетным зарядом: на группу упала дымящаяся боеголовка, а за ней последовал десяток взрывов. Другой пилот Первого батальона атаковал россиян дронами. Один из них запечатлел двух пехотинцев, которые резко отпрыгивают, но слишком поздно — за секунду до того как *FPV* сдетонировал и картинка исчезла.

Над монитором, который показывал эту бойню, висел флаг с ангелом смерти, играющим на флейте. Я вспомнил, как Перун говорил о «радости». (В других беседах он говорил, что получает «эстетическое удовольствие» от своей работы.) Украинцы в подвале явно получали удовольствие от гибели

российских солдат, некоторые даже восторженно смеялись. «Смотри, как бегут!» — воскликнул Перун каким-то почти бесшабашным тоном после очередного авиаудара.

Когда пришла ночь, Бойко переключился на тепловизор и черные фигуры, умирающие на белом снегу, превратились в белые фигуры, умирающие на черном. Север и его группа вышли из Табаевки в два часа ночи, а русские все продолжали безнадежные попытки добраться до своих товарищей, заблокированных в погребе. Штурмовики провели в бою, ходьбе и рытье окопов 48 часов.

* * *

На следующее утро я зашел в дом, где расположилась группа Севера, около 9.30. На кухне сидел Север и отсматривал съемку с дрона по телевизору. Остальные спали. «Устали как собаки, — сказал он. — Холод выматывает даже больше, чем отсутствие сна».

Во время перехода через болото под Севером треснул лед: мусорные пакеты не помешали его носкам насквозь промокнуть. Все сигареты он выкурил в первый же день. К тому моменту, как они взобрались обратно на холм, «всех уже глючило слегка». Дойдя до одного из украинских пулеметчиков, Север увидел у него над головой два сиреневых светящихся круга.

Я заметил, что он надел резиновые тапки с надписью «Волк» на каждом ремешке. Это были тапки его погибшего солдата. Когда я спросил, как команда отнеслась к потере, Север сказал: «Ну как, дерьмово отнеслась, но это не впервой. Мы все знаем, что завтра

ты можешь стать следующим». Он собирался звонить жене Волка. Она получит официальное извещение, но пока они не забрали тело, Волк будет считаться пропавшим без вести в бою, а Север хотел, чтобы она узнала правду.

Один за другим к нам присоединились оставшиеся члены команды. Банкир двигался скованно — спазм мышц. У Санька распухли руки. Они с Ноем начали крутить говядину на котлеты. В полдень Каспер устроил им разбор видео атаки на погреб. Никто не проронил ни слова, когда они смотрели, как Волк падает перед дверью. Они не знали, почему он так безрассудно себя вел. «Может, он хотел сделать что-то храброе», — предположил Санек.

За следующие пять дней «Вампір» обрушил на погреб шквал тяжелых боеприпасов, включая 9-килограммовые термобарические бомбы. Но подземная конструкция выстояла. Судя по перехваченным сообщениям, некоторые солдаты внутри были серьезно ранены, еда у них закончилась. Их взвод продолжал посылать подкрепление, их продолжали убивать. Еще трех русских взяли в плен. Время от времени люди пытались сбежать из погреба. И каждого из них убили. Когда снайпер из Первого батальона подстрелил и ранил российского солдата возле входа, Лицей (Перун оставил за главного, пока он отдохнет) приказал не добивать его. Он хотел, чтобы оставшиеся в погребе русские слышали, как он медленно умирает и просит о помощи. Во время осады, сказал мне Лицей, «важно сломить их дух».

Температура росла, снег таял. Мир, который был виден на мониторе, из белого превратился в яркий

и пестрый, с массой деталей. Комната над погребом была разрушена, дверь разлетелась на куски. Солдаты в погребе повесили простыни, чтобы украинские дроны не могли увидеть, что происходит внутри. Тело Волка лежало среди обломков. В какой-то момент Бойко пришел забрать у Перуна листовки, чтобы раскидать их перед входом. Текст гарантировал солдатам безопасность, если они сдадутся. «Мы призываем вас к благоразумию, — гласил их текст. — Зачем вам умирать в чужой стране, защищая чужие интересы». Той ночью нескольким российским солдатам все же удалось сбежать. Тех, кто остался в погребе, сочли слишком тяжело ранеными и не представляющими угрозу.

Я уезжал из села на следующий день. Когда я зашел в дом к Северу попрощаться, большая часть мужчин отправились за припасами. Они скоро вернутся в Табаевку, чтобы помочь якорной группе укрепить траншеи. Теперь, когда голубые квадратики стали украинскими, Первый батальон постарается как можно дольше пробыть с тероборoной, чтобы убедиться, что они не отступят. Север говорит, что так уже бывало. Как-то в октябре, рассказали Ной и Камин, якорная группа сбежала до окончания боя. Один из штурмовиков стрелял им по ногам, чтобы они не сдавали позиции.

Я спросил Севера, не думает ли он, что тероборона потеряет возвращенную Табаевку, обнулив так тяжело добытый успех Первого батальона. Он пожал плечами.

— Может, и так.

Киевстар был наверху, курил в окошко. Утром он был на рынке в Купянске и купил там цепочку с серебряным крестиком «для защиты». Рядом с ним на пенке лежал свернутый спальник. Он принадлежал Волку, как и зимняя куртка, висевшая на гвозде. Команда собрала деньги, которые они планировали переслать его жене и детям, но Киевстар сказал, что не очень понимает, что делать с его вещами. Вещмешок Волка был раскрыт, внутри были наколенники, перчатки, и хотя я их не видел, где-то среди снаряжения лежали тактические очки.

* * *

Во многих отношениях Первый батальон резко отличался от остальных. Из всех подразделений ВСУ, которые я видел, он был самым эффективным, профессиональным и, что не случайно, лучше всех оснащенным. Из-за обструкции республиканцев в Конгрессе США, Украине критически не хватает оружия и боеприпасов, но у Перуна было более или менее все, что ему было нужно для работы. Несмотря на это, подразделению не хватало самого главного ресурса — людей. «Становится все сложнее и сложнее искать новых солдат, мало кто готов заниматься этой работой», — рассказал мне Перун.

И дело было не только в том, чтобы заменить павших. После двух лет войны все ветераны в подразделении были истощены. Перун, который никогда не пил и не курил, а редкие часы отдыха проводил в собственной квартире, тягая гантели, страдал от хронического кашля, который со временем становился все более мучительным. К

тому моменту, как я уехал, он приобрел небулайзер с маской, которую он прикладывал ко рту даже во время завтрака. Многие солдаты были ранены хотя бы раз, но интенсивность боевых операций выматывала скорее психологически, чем физически. «Самое ужасное — не русские, — сказал мне офицер, потерявший 18 товарищей за один день. — Самое ужасное — это когда парни, которым ты доверяешь, начинают слабеть психологически. Они сгорают как свечки».

Конца войне не видно, на фронте становится все опаснее, и многие украинские солдаты начинают думать, что у них осталось только два варианта — умереть или дезертировать. Год назад я попал в пехотное подразделение в Донбассе, которое потеряло большую часть состава и их заменили новобранцами. Среди немногих солдат, которые оставались в подразделении с начала вторжения, были два друга с позывными Одесса и Бизон. Одесса ушел в самоволку после того, как большую часть его взвода убили в Херсоне. Он провел два месяца дома, а потом, задавленный чувством вины, вернулся в армию. Его убили после того, как была опубликована моя статья. К тому моменту, когда я познакомился с Бизоном, его ранили и госпитализировали три раза. После смерти Одессы он тоже ушел в самоволку и тоже вернулся на фронт. Я только приехал из Киева в Купянск, когда бывший командир их взвода написал мне, что Бизона тоже убили. Я ответил, что умирают лучшие. Он поправил меня: «Умирают все. Лучшие, худшие… Ярких сильных личностей мы помним. Остальные просто растворяются в ничто».

Он сравнил президента Зеленского с Пиноккио за слова о том, что погибла только 31 тысяча украинских солдат. И напомнил мне, что в эту цифру не входят те, кто пропал без вести на поле боя, а это «огромная часть наших потерь».

Несколько дней спустя было 24 февраля, вторая годовщина вторжения, и родственники пропавших солдат организовали в Киеве демонстрацию. Учитывая угрозу, исходящую от российских крылатых ракет и беспилотников-камикадзе дальнего радиуса действия, в столице стараются избегать публичных собраний, но когда я приехал туда, сотни людей, в основном женщины, выстроились на проспекте перед собором Святой Софии. Одна из групп держала плакат с надписью «Свободу 4-й танковой бригаде».

29-летняя женщина по имени Марина Литовка приехала на поезде из Полтавы, специально на митинг. Больше года назад ее отец пропал к северу от Бахмута вместе с пятью другими солдатами. «Армия не знает, что с ними, — говорит Марина. — И так говорят многим семьям». По ее словам, только из 4-й танковой бригады пропали без вести 170 мужчин. Красный крест смог выяснить судьбу 23 из них — они в российском плену. «Я не знаю, что тяжелее — узнать, что он умер или вечно надеяться», — говорит Марина.

Рядом я встретил еще одну дочь солдата, она стояла с картонным плакатом, на котором было написано: «Бейтесь за них так же, как они бьются за нас». Ее отец был в Донбассе, и она пришла на демонстрацию, потому что «многие люди забывают о войне и нам надо им напомнить».

Разрыв между фронтовой реальностью и повседневностью Киева и других городов в центральной и западной Украине становится все отчетливее. Пока рекрутеры выхватывают мужчин с фабрик, автобусных остановок, с улиц сел и небольших городков, в столице избежать призыва гораздо проще. Бары переполнены хипстерами, в кафе сидят юные пары, проходят концерты и выставки, и все это придает городу ощущение космополитичной нормальности. Есть соблазн восхититься этим — как триумфом стойкости, но солдат на фронте это может раздражать и вызывать отчуждение. «Меня от этого мутит», — говорит Север. Приток иностранцев в Киев — от гуманитарных работников до предпринимателей — усиливает это несоответствие. В популярном районе, где я снял квартиру на *Airbnb*-, у шикарных отелей часто парковались роскошные седаны и бронированные внедорожники, а элитарные рестораны были явно рассчитаны на западных гостей.

Север сравнивает современное состояние украинского общества и то, как горько чувствовали себя он и его товарищи между 2014 и 2022 годом, когда большая часть страны занималась своими делами, не обращая внимания на тлеющий конфликт в Донбассе. «Они снова строят стену между двумя мирами», — говорит он.

Неудивительно, что риторика меняется в зависимости от близости к фронту. В Киеве практически табуирована любая дискуссия на тему переговоров с Россией, на то, чтобы расстаться с частью Донбасса или с Крымом. Но, как и на любой войне, люди, которые находятся на поле боя, смотрят на вещи более приземленно и честно. Бывший командир Одессы и Бизона сказал мне: «Мы проигрываем. Не сильно, но неуклонно». С его точки зрения, если Запад продолжит нынешний уровень помощи, Украина продержится еще несколько лет. Если помощи станет меньше, «мы окажемся в заднице уже через год». А если помощи станет больше, «будет патовая ситуация — пока у нас не кончатся солдаты».

Перун говорил мне, что с чисто стратегической точки зрения, «надо знать, когда пора остановиться и как проигрывать». Он вспоминал, как Россия отступала из-под Киева и из Херсона: «У русских это получается лучше, чем у нас». И в отличие от России, продолжил он, Украина — страна демократическая, а значит, «переговоры могут начаться только тогда, когда общество будет к этому готово». Но правительство, а конкретно Зеленский, дали украинцам завышенные ожидания и искаженную картину реальной ситуации на фронте: «Общество не догадывается о наших проблемах».

Даже при том, что эти два мира расходятся все дальше, американские дебаты по поводу Украины, похоже, объединяют общество. Многие республиканцы переняли враждебное отношение Дональда Трампа к Украине, усвоив нарратив российской пропаганды, очерняющей и дегуманизирующей украинских граждан. Либералы, считающие себя «проукраинскими», тем временем склонны приравнивать эту позицию к безоговорочному поощрению Зеленского. Последнее, пожалуй, неизбежно, поскольку большинство украинцев, которых американцы видят и слышат в социальных сетях, по телевизору, на форумах и конференциях, также поддерживают эти амбиции. В январе министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба выступил в эфире *ABC News* и заявил на прекрасном английском: «Даже если у нас кончится оружие, мы будем драться лопатами». Это коллективное «мы», конечно, фигуральное — он не будет драться ни с винтовкой, ни с лопатой. А для тех украинцев, кто дерется, война дело не только очень страшное, но и очень одинокое. Многие потеряли веру в свое

командование, в сограждан, в политиков, а теперь еще и в американских союзников.

И все же остаются такие подразделения, как Первый батальон. Когда я спросил Севера, как он относится к согражданам, которые увиливают от военной службы, он сказал: «Они меня не волнуют. Я сражаюсь за свои принципы и за своих парней. В нашу страну пришли люди, которые убивают детей и насилуют женщин, и я не понимаю, как можно этому не противостоять».

В конце операции в Табаевке штурмовики забрали останки Волка. Как рассказал мне Ной, который помогал нести тело, крыша погреба провалилась, вокруг лежали мертвые российские солдаты. Через два дня Ной попал под артиллерийский удар и оказался в больнице с осколочными ранениями. Киевстара и Банкира тоже ранило осколками до того, как они покинули село, сейчас они восстанавливаются после травм. Остаток Первого батальона ждет вызова на очередной пожар на фронте.

На сегодня половина голубых квадратиков в Табаевке опять отошли врагу[1].

Смерть Волка означает, что Северу и Касперу нужно будет найти ему замену; задача, которая не радует ни одного из них. «Просто плакать хочется», — говорит Север. Накануне вечером, когда члены якорной группы отправились в Табаевку, Каспер отметил, что двое штурмовиков в возрасте за пятьдесят участвовали в ряде опасных миссий Первого батальона. «Если они могут это сделать, то и любой сможет», — настаивал он. Позже я сказал

Касперу, что не могу с ним согласиться: большинство людей не смогли бы сделать то, что сделали они с Севером. Каспер задумался, а потом ответил: «Это сложный вопрос — можешь ты или не можешь? Если честно, то никто не сможет. Но если никто не сможет, то придут русские и насуют нам хуев».

Тех двоих штурмовиков за пятьдесят уже не было в батальоне. Один ранен, другой — убит.

Автор: Люк Могелсон

Оригинал: *Battling Under a Canopy of Drones*. *The New Yorker, 8 April 2024*

Перевод: Вера Нифлер

Translated with permission from The New Yorker.

---

1. Статья Могелсона была опубликована в начале апреля, но с тех пор ситуация в этом районе кардинально не менялась.